

Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования

(О. Ткач)

Цель статьи — представление генеалогического метода, обоснование его происхождения, технических сторон его применения в исследованиях и востребованности при изучении современной социальной проблематики. Для этого был обобщен и систематизирован основной методологический и эмпирический материал, накопленный за последние 20—30 лет западными и российскими исследователями семейных историй. В изложении содержательных сторон метода и описании основных полевых и аналитических процедур мы также опирались на собственный исследовательский опыт в области изучения социальных генеалогий.

Стратегия (дизайн) качественного исследования предполагает выработку специфического подхода к изучаемому объекту, задает исследовательскую рамку и определяет выбор соответствующих методов сбора, обработки и анализа эмпирического материала. В современной качественной методологии описывается конвенциональный набор исследовательских стратегий (см., например: Семенова 1998; Denzin, Lincoln 1994). Как правило, генеалогический метод не входит в их число. Можно предложить несколько объяснений в некоторой степени маргинального статуса данного исследовательского подхода.

Во-первых, стратегия изучения истории семьи стала активно применяться в западных и российских социологических исследованиях сравнительно недавно. Всего 15 лет назад, выступая на международном социологическом конгрессе в Мадриде, один из основоположников метода устной истории в Великобритании П. Томпсон с сожалением отмечал, что историки и

социальные исследователи избегают изучения семейных рассказов, незаслуженно считая их тривиальными. Он пишет: «Те же самые социологи, изучающие социальную мобильность, — т. е. люди, для которых передача информации от одного поколения к другому должна быть одной из основных проблем, — упорно не замечают потенциальной ценности рассказов о жизни» (Томпсон 2003б: 113). С начала 1980-х годов формулировались основные принципы данной исследовательской стратегии и происходило ее постепенное включение в репертуар качественной методологии. Вместе с оформлением процедурной стороны генеалогического метода осуществлялись активные поиски его названия.

Исследования семейных рассказов проводились под самыми разнообразными заголовками: рассказ о жизни (life story approach), изучение отдельных семей (case studies of families) и т. д. Современный французский социолог Д. Берто, внесший весомый вклад в развитие метода и его популяризацию в социологии, предлагает именовать его «методом сравнения и интерпретации социальных генеалогий» (social genealogies commented and compared). Тем не менее в отличие от других стратегий, уже ставших классическими, подход, о котором пойдет речь в данной статье, по-прежнему не имеет устоявшегося названия. Такие наименования, как «генеалогия», «генеалогический метод», «метод изучения социальных генеалогий», применительно к исследовательской стратегии можно считать синонимичными. На наш взгляд, наиболее адекватным русскоязычной традиции является перевод «метод изучения истории семьи». С одной стороны, такая формулировка позволяет избежать распространенной терминологической проблемы с использованием калек с английского языка. С другой стороны, перспектива семейных *историй*, в отличие от схематизма генеалогии, фокусирует исследование на *рассказах* о жизни поколений, устном материале, значимом для социолога-качественника.

Второй причиной, в связи с которой методологи предпочитают не рассматривать историю семьи в качестве самостоятельной стратегии, является его междисциплинарность, тесная взаимосвязь с другими исследовательскими подходами и, казалось бы, отсутствие специфического фокуса. Как показывает опыт социологических исследований, генеалогическую ин-

формацию возможно получить с помощью биографического метода, метода устной истории, case-study, этнографического подхода. История семьи может быть реконструирована из материалов биографии и автобиографии. Элементы семейных историй нередко вплетаются в текст интервью, необязательно биографического, составляют часть полевого материала. Между тем растущий интерес современных исследователей к многопоколенной семье как к субъекту трансформации и воспроизводства различных социальных институтов, практик, представлений, значений, правил, а также социальных процессов и отношений, складывающихся в социальных средах, потребовал разработки методологических оснований изучения истории семьи как самостоятельной стратегии качественного социологического исследования¹⁵.

Использование генеалогического метода в социологии

Генеалогия представляет собой двойственный феномен. С одной стороны, она образует схему, или карту, многопоколенных родственных связей, с другой — реконструирует прошлое и настоящее семьи в общий нарратив. Каждое из этих измерений родословной может актуализироваться в социальной и исследовательской практике.

Принадлежность к роду или семейному клану является одним из первых исторически сложившихся механизмов социального различения и стратификации. Системы социальной иерархии в традиционных обществах (кастовая и сословная) складывались и воспроизводились преимущественно по родовому, т. е. генеалогическому (наследственному), принципу (Радаев, Шкаратан 1996: 51–52). Родовая закреплённость социальных прав и обязанностей в подобных системах способствовала тому, что социальные генеалогии использовались в

¹⁵ Метод изучения истории семьи не следует напрямую отождествлять с социологией семьи. В первом случае речь идет о методологическом подходе к исследованию, во втором — об одной из отраслевых социологий. Метод изучения генеалогий, безусловно, может быть применен к изучению проблематики социологии семьи, но не ограничивается им (см. ниже).

качестве правового механизма (генеалогия по мужской линии как инструмент установления права на наследование и собственность). В то же время генеалогические данные традиционно представляли собой материал для фиксации, а позже — для изучения демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции и т. д.).

Этнографы и социальные антропологи одними из первых признали феномен родства достойным социального исследования. Более того, родоплеменные сообщества стали основным объектом их исследования. Для основателей антропологии родства — К. Леви-Стросса, А. Рэдклиф-Брауна, Б. Малиновского — представляли интерес семейные структуры племенных сообществ в Африке, Танзании, Бразилии и Австралии¹⁶. Неудивительно, что для структуралистов и последователей структурно-функционального анализа генеалогии оказались заманчивым предметом исследования, поскольку они легко подвергаются формализации, наглядному табличному или схематичному изображению¹⁷. В фокусе исследований антропологов оказались семейные кланы, браки, системы и термины родства. Они также обращали внимание на взаимосвязь родственных структур и структур мифологического мышления. Этот аспект в изучении семейных генеалогий не утратил свою привлекательность и для современных исследователей.

Именно от структуралистской традиции культурной антропологии отталкивался П. Бурдьё, когда изучал систему родства кабилы (Алжир). Однако его подход к исследованию имеет существенные отличия. Он рассматривает генеалогию не как «состоявшийся факт» или схематическое изображение родственных связей на бумаге, а как «продукт стратегий, направленных на удовлетворение материальных и символических ин-

¹⁶ Наиболее известные работы отцов-основателей социальной антропологии, посвященные анализу систем родства и брачных правил в племенных сообществах: «Семья среди австралийских аборигенов» (1913) Б. Малиновского; «Социальная организация австралийских племен» (1930—1931) А. Рэдклиф-Брауна; «Элементарные структуры родства» (1949) К. Леви-Стросса.

¹⁷ Например, исследования петербургского социолога О. Божкова посвящены сбору, формализации и компьютерной обработке деревенских генеалогий (см.: Божков 1998, 2001; Божков, Боголюбов 2002).

тересов» родственного клана. С точки зрения Бурдые воспроизводство рода и защита его интересов осуществляются «с помощью постоянной работы по установлению привилегированной сети практических связей», которая включает совокупность действующих генеалогических связей (практического родства) и негенеалогических (практических) связей, «мобилизуемых для ежедневных житейских потребностей» (Бурдые 2001: 325). Описываемые связи поддерживаются в повседневном взаимодействии, в том числе посредством материальных и символических обменов между поколениями. Практическая значимость генеалогии, задающей систему социальных координат обитателей алжирской деревни, требует реализации многочисленных стратегий (например, матримониальных) ее воспроизводства и обогащения ресурсами. Логика и концептуальный аппарат изучения генеалогических связей с точки зрения теории практик были активно востребованы при разработке метода изучения истории семьи в социологии.

Генеалогия как *рассказ* о семейном прошлом становится предметом научных исследований в рамках исторической науки. В XVII—XVIII веках она оформилась в особый раздел истории, который принято называть вспомогательной, или специальной, исторической дисциплиной, изучающей родословие (Современный словарь... 2001: 143), а точнее — происхождение, историю и родственные связи родов и семей. Историки того времени, как правило, имели дело с родословными аристократических фамилий. Развитие социальных наук перевело исследования родословных в более демократичное русло, когда «хроники царствований дополняются жизненным опытом простых людей» (Томпсон 2003а: 20). Этот новый импульс в изучении генеалогий и семейных историй связан со становлением с середины XX века социальной истории, *устной истории, исследований культурной памяти, воспоминаний прошлого*. Наиболее известными специалистами в этой области считаются такие исследователи, как П. Томпсон (Великобритания), А. Портелли (Италия), Я. Вансина (Бельгия), Т. Харевен (США) и др.

В США устная история, или «история снизу» (*history from below*), развивалась на волне постколониальных исследований и фокусировалась на изучении жизни ранее «невидимых» и исключенных из истории женщин; искателей приключений и

авантюристов, не имевших корней; сирот и усыновленных детей; других маргинальных, дискриминируемых групп населения: мигрантов, переселенцев и т. д. История, написанная из перспективы «простого» человека или маргинала, призвана переинтерпретировать общенациональный исторический нарратив и восполнить белые пятна истории. Например, исследования генеалогий афро-американцев позволили реконструировать социальную историю рабства в США (Watson 2001: 361–362)¹⁸. Попытка написания женской истории (her-story) принадлежит последовательницам феминизма. Этот политический и исследовательский проект, возникший в США и Западной Европе в 1970-х годах, иногда называют «феминистской историей». Целью его сторонников было создание на основе воспоминаний и рассказов женщин новых измерений и смыслов истории, переосмысление иерархии публичного и приватного в исторических процессах¹⁹.

Классической работой в области устной истории считается исследование Т. Харевен «Время семьи и время промышленности» (Харевен 2003; Hareven 2000). Оно посвящено изучению истории одной из прядильных фабрик Манчестера с 1830-х годов до ее закрытия в 1936 году. Харевен реконструировала историю компании по заводским документам (личным делам персонала; домовым книгам многоквартирных домов, сдаваемых компанией рабочим; письмам рабочих к руко-

¹⁸ Одним из первых и наиболее влиятельных в этом направлении стало исследование А. Хейли «Корни» (Haley 1976). По архивным материалам и устным свидетельствам африканских сказителей ему удалось восстановить прошлое своей семьи — чернокожих рабов американского Юга. Книга была переведена на 37 языков, а ее тираж составил более чем 12 миллионов экземпляров.

¹⁹ Первые крупные публикации, нарушившие «вековое молчание»: Bloom 1980; Gluck 1976; Rowbotham, McCrindle 1977. Социальный эффект этого направления достигается посредством образовательных практик (феминистской педагогики). Например, современная венгерская исследовательница А. Пето проводит практические занятия по написанию и осмыслению женской истории. На семинарах обсуждаются истории жизни женщин-родственниц, лично повлиявших на участниц семинара, оценивается соотношение канонизированной общей истории и историй родственниц, проводятся сравнения. О данной образовательной программе см.: Peto, Waaldijk 2002.

водству компании и т. д.) и по устным источникам (биографическим интервью с рабочими и членами их семей). Исследовательница, в частности, приходит к выводу о том, что расширенные (в том числе многопоколенные) семьи в рабочей среде являлись поставщиками рабочих-мигрантов на фабрику, и они же в конечном итоге сыграли роль страховочной сети для рабочих в ходе постепенного свертывания производства.

В отличие от устных историков социологи нацелены не только на реконструкцию социальной истории и семейного прошлого, но и на поиск их связей с жизненными сценариями представителей ныне живущих семей. Основные принципы метода изучения истории семьи в социологии были разработаны в рамках *исследований социальной мобильности и социального воспроизводства*. Традиционные американские и британские исследования социальной мобильности опирались на количественные опросные методы (см., например: Blau, Duncan 1967; Glass 1954; Goldthorpe 1980; Hauser, Featherman 1977; Heath 1981; Lipset, Bendix 1967; Steward et al. 1980). Примерно с конца 1970—начала 1980-х годов последователи качественной парадигмы в социологии критикуют ограничения традиционного подхода к изучению мобильности и формулируют ряд аргументов в пользу обращения к семейным историям²⁰.

• Количественный подход к исследованию социальной мобильности применим не во всех обществах. Он релевантен для гомогенных обществ со стабильными социальными структурами и для достаточно открытых индивидуализированных обществ или их сегментов, где социальная мобильность осуществляется в виде преимущественно индивидуальных траекторий. С точки зрения Берто традиция изучения мобильности количественными методами неприменима для европейских обществ, в том числе французского. Он полагает, что в Европе, в отличие от Северной Америки, семьи и семейные связи, а не индивиды образуют систему социальной стратификации и что они должны представлять собой объект для исследований мобильности. Исходя из того что общество состоит не из ато-

²⁰ Детальный анализ основных количественных подходов к исследованию социальной мобильности в социологии, их сильных и слабых сторон представлен в статье М. Сэвэйджа «Социальная мобильность и опросный метод: критический анализ» (Savage 1997).

мизированных индивидов, а из семей, исследователи социальной мобильности не могут игнорировать семейные интеракции, отношения и процессы. Динамика процессов межпоколенческой мобильности может быть изучена лишь с применением качественных методов. Например, таблицы, показывающие воспроизводство рабочего класса, совершенно не отражают тех усилий, которые были приложены родителями для того, чтобы их дети не утратили этот статус (Bertaux 1994: 89–96).

- Социальное положение не ограничивается профессиональной принадлежностью индивида и включает самые разнообразные измерения, например: уровень образования, брачный статус, культурный уровень, жилищные условия, тип поселения и т. д. Соответственно изменение социального статуса понимается шире, чем в количественных исследованиях.

- В фокусе исследования социальной мобильности должна находиться вся семья включая женщин, братьев и сестер (siblings), а не только главы семей и их сыновья. Необходимо учитывать роль женщин в воспитании детей и передаче семейных традиций, исследовать их собственную профессиональную культуру.

- Исследования социальной мобильности не должны быть сконцентрированы исключительно на представителях среднего класса и исключать из поля зрения маргинальные группы (например, мигрантов).

- В исследованиях социальной мобильности необходимо учитывать исторический и культурный контексты, в которые погружены индивиды и семьи.

Наиболее известным, уже ставшим классическим, исследованием с применением генеалогического метода считается изучение ремесленного хлебопечения во Франции, предпринятое Д. и И. Берто²¹. Ученых заинтересовал тот факт, что в современной Франции, развитой (пост)индустриальной стране, сохраняется архаичная форма хлебопечения, когда 95 % хлеба изготавливается вручную. Проект был нацелен на выяснение

²¹ Исследование было проведено в 1980-х годах, и стало очень популярным. На сегодняшний день по результатам этого проекта только на английском и русском языках опубликовано более десятка статей. Наиболее известные из них: Берто, Берто-Вьям 1992; Bertaux, Bertaux-Wiame 1981, 1997.

причин сохранения и воспроизводства мелких пекарен, понимание логики развития ремесленного хлебопечения. На основании интервью с представителями этого бизнеса исследователи реконструировали несколько десятков семейных историй. Анализ собранного материала позволил сделать интересные выводы. Многовековое воспроизводство ремесленного хлебопечения во французских городах основывается не столько на межпоколенческом наследовании материальной составляющей семейных предприятий, сколько на традициях рекрутирования новой рабочей силы из семейного окружения или подмастерьев, на воспитании у детей специфического отношения к труду, а также на исторически сложившейся системе гендерного разделения труда в семьях хлебопек. Однако ключевым ресурсом, позволяющим семейному предприятию не только воспроизводиться, но и успешно адаптироваться к рынку, является «наследование» пекарями сетей потребителей-клиентов, т. е. тех покупателей, которые традиционно, из поколения в поколение приобретают хлеб в одной и той же пекарне. Оказывается, что вне зависимости от исторической эпохи именно постоянная клиентура «воспроизводит» ремесленное хлебопечение. Иными словами, не ремесленник наследует свое дело, а пекарня наследует своих работников.

Исследование Д. и И. Берто заслужило известность и признание не только благодаря своим содержательным выводам, касающихся профессиональной среды французского ремесленничества, но и благодаря методологии, которой придерживались ученые. В 1994 году в журнале «Инновация» вышла статья Д. Берто «Семьи и мобильность: европейский опыт», которую принято считать программным текстом для исследователей, обращающихся к методу изучения социальных генеалогий.

Содержание метода: фокус исследования и основные термины

Стратегия изучения социальных генеалогий предполагает рассмотрение проблем социальной стратификации и мобильности в перспективе (многопоколенной) семьи, семейных связей и отношений («family-based» perspective). Основная идея метода состоит в прослеживании роли семьи и семейных связей в передаче статусных характеристик ее представителей из поколения в

поколение. Изначальная посылка, которую формулируют создатели данного подхода, заключается в том, что «семейные мифы, модели развития семейных отношений, семейные традиции и отрицание этих традиций... составляют для большинства людей тот контекст, в котором они должны сделать свой собственный, решающий выбор в жизни, и именно они и толкают их на тот или иной жизненный путь» (Томпсон 2003б: 144—145).

Единицей анализа в исследовании является история семьи. Однако под семьей в данном случае понимается не нуклеарная семья, а сеть родственных отношений, которая может быть неограниченной как во времени, так и в пространстве (Bertaux 1994: 97). Исследователи обращают внимание на социальный и культурный аспекты изучения истории семьи. В социальном смысле семья — это «сеть индивидов, связанных родством, включающая три или более поколений». В свою очередь, «культурный образ» семьи «конструируется как реальными, ныне живущими индивидами, так и их легендарным происхождением» (Bertaux, Thompson 1993: 2). В семейной истории может описываться жизнь представителей нескольких поколений, и этих персонажей может быть более сотни. Таким образом, в рамках данной стратегии семья рассматривается, с одной стороны, как единое целое, как воображенная социальная «группа», с другой — как последовательность поколений и совокупность индивидуальных биографий. В конкретном исследовании данная «методологическая диалектика» разрешается в зависимости от его целей и задач.

Согласно Берто, межпоколенческое воспроизводство осуществляется на нескольких уровнях:

— на уровне внутрисемейных процессов (социализация, передача культурных и моральных ресурсов из поколения в поколение);

— на уровне соревновательного взаимодействия семей, конкурирующих за материальные и политические ресурсы повышения социального статуса и социального капитала детей;

— на уровне институциональных условий, социального контекста, правил игры, которые предписаны семьям извне (Bertaux 1994: 96—97).

Все эти социальные процессы, касающиеся семей, взаимосвязаны. В поисках аналитических инструментов, позволяющих увязать в реконструированных семейных историях уровни

структурных условий и повседневных практик, исследователи формулируют концепции межпоколенческой трансмиссии и семейной траектории.

Межпоколенческая *трансмиссия* (трансляция, передача) — один из терминов, входящих в тезаурус данного метода. Семья как последовательность поколений является важным каналом трансмиссии (т. е. межпоколенческой передачи опыта) в виде знаний, установок и практик. Из поколения в поколение в семьях передаются знание языка, фамилии, религиозные представления, материальные и нравственные ценности, взгляды на жизнь, профессиональные установки, социальные предрассудки и страхи, стили поведения, отношение к телу, модели родительства и брака и т. д. По мнению Берто и Томпсона, все эти «унаследованные» социальные компоненты представляют собой «конденсацию опыта, характеризующего определенную классовую группу» (Bertaux, Thompson 1993: 1) или социальную среду, т. е. то, что Бурдые называет *хабитусом*. Под трансляцией семейного опыта понимается не прямой переход какого-либо ресурса семьи к следующему поколению, а трансформация этого ресурса в условии действия члена семьи (например, используется капитал связей отца, чтобы устроить ребенка в хорошую школу, или умение вязать, полученное от бабушки, дает внучке возможность дополнительного заработка). Примеры восприятия внутрисемейного наследуемого опыта или дистанцирования от него в целях самосохранения индивида задают основную динамику процесса трансмиссии.

В результате межпоколенческих трансмиссий на уровне социализации, социальных и институциональных взаимодействий формируются индивидуальные и семейные социальные *траектории*. Под семейной социальной траекторией понимается последовательная смена социальных статусов семьи как непрерывности поколений (Берто, Берто-Вьям 1992: 106), траектория перемещения семьи в социальном пространстве. Концепция семейной траектории позволяет осмыслить преемственность и изменчивость социальных статусов, ресурсов, жизненных шансов семьи в зависимости от изменяющегося контекста. Генеалогический метод фокусирует внимание не только на семейных, но и на индивидуальных траекториях. Он нацелен на получение знаний о том, каким образом под влиянием различных внутрисемейных процессов и исторических условий формируются

жизненные траектории индивидов и их родственников, образующих семейные связи и семейные истории.

Семья как преемственность поколений аккумулирует, конвертирует, воспроизводит и передает через поколения разнообразные семейные *ресурсы* (капиталы). Наличие ресурсов обуславливает разнообразные *стратегии* семейного воспроизводства, которые в свою очередь способствуют дальнейшему накоплению и циркуляции капиталов в семье. Социальные траектории индивидов и семей разворачиваются посредством реализации тех или иных стратегий. Таким образом, понятия «семья», «поколение», «трансмиссия», «траектории, ресурсы и стратегии» представляют собой основной аналитический инструментарий рассматриваемого подхода.

Сбор и обработка эмпирического материала: этапы, методы, репрезентативность

Изучение истории семьи предполагает последовательное выполнение ряда универсальных исследовательских процедур: полевой работы, обработки эмпирического материала, анализа полученных данных. Рассмотрим, каким образом организуются эти исследовательские шаги в соответствии с описываемой стратегией (см.: Vertaux 1994: 96—98).

Шаг первый: сбор биографической информации о представителях как минимум трех-четырех последних поколений семьи. История семьи, т. е. рассказ, повествование, — это коллекция взаимосвязанных биографий членов семьи, которая собирается как из устных, так и из письменных и других визуальных источников и затем складывается в единое полотно. Полевая работа проводится с применением двух основных методов: биографического или проблемноориентированного интервью и анализа документов.

В рамках рассматриваемой стратегии правильнее было бы говорить о *серии интервью и бесед* с представителями нескольких поколений семьи для получения многопоколенческой перспективы в рассказах. Берто предлагает интервьюировать как минимум двух, а предпочтительно трех и более информантов — представителей каждого поколения. Как правило, социолог сначала знакомится с одним из членов семьи, который, вероятнее всего, становится «проводником» (т. е. представляет ис-

следователя другим родственникам) и ключевым информантом, поскольку располагает наиболее глубокими знаниями истории семьи. Такой центральной фигурой генеалогии (эго) преимущественно становится представитель среднего поколения, в биографии которого пересекаются жизненные пути родственников по восходящей и нисходящей линии.

Как показывает практика, интервью в рамках данной стратегии могут быть как индивидуальными, так и парными, и даже групповыми, когда в них участвуют несколько членов семьи²². Предполагается, что каждый член семьи повествует не только о своей жизни, но и о жизни своих родственников (предках, родителях, братьях и сестрах, мужьях и женах, детях и племянниках), а также о взаимоотношениях с ними, об их роли в жизни рассказчика и семьи в целом. Взгляд на семейную историю изнутри и собственный жизненный опыт информанта дополняют его описания и интерпретации культурного и исторического контекстов, сопровождающих жизнь каждого поколения. Применение генеалогического метода в исследовании требует от социолога исторических знаний, знакомства с локальным контекстом, что позволяет грамотно построить беседу с представителями нескольких поколений семьи. Путеводитель интервью с членом семьи должен содержать блоки, касающиеся истории рода, биографии рассказчика и современного этапа семейной траектории²³. В процессе беседы эти темы, как прави-

²² Поскольку интервью с членами семьи, как правило, проводятся дома у информантов, избежать присутствия родственников оказывается достаточно сложно. Пытаясь соревноваться за звание «экспертов» в области семейной истории, информанты стремятся уточнять, дополнять и исправлять друг друга. Преимуществом подобной организации интервью является возможность получить более четкую, выверенную фактологическую канву семейной истории; недостатком же служит то, что в процессе коллективного интервью нарушается диалог информанта и интервьюера, рассказчики могут перебивать друг друга, чрезмерно концентрируясь на деталях. На наш взгляд, если интервью с несколькими информантами избежать не удастся, желательно, чтобы они, по крайней мере, принадлежали к одному поколению.

²³ Примером путеводителя интервью, позволяющего получить информацию о нескольких поколениях семьи, может служить «Руководство по биографическому интервью», детально разработанное П. Томпсоном (см.: Томпсон 2003а: 304–318).

ло, пересекаются. Например, у информанта, рассказывающего о переезде в другой город, желательно узнать, кто был инициатором переезда, как к этому отнеслись его родители, были ли им востребованы социальные сети семьи, как в дальнейшем складывались семейные отношения и т. д.

Ретроспективный взгляд является как сильной, так и слабой стороной данного метода. В исследованиях, связанных с изучением родословия, способны участвовать лишь те информанты, которые готовы поделиться своими воспоминаниями, познакомить социолога со своей семьей, с интимными (не всегда лицеприятными) подробностями семейной истории. Кроме того, исследователь ограничен доступом лишь к тем информантам, которые дожили до наших дней. В рассказах современников о жизни прошлых поколений он рискует обнаружить большое количество белых пятен. Следовательно, специфика полученных данных определяется тем объемом знаний, которыми обладают члены семьи, а также объемом семейной памяти, доступной интервенции извне.

Метод *анализа документов* в некоторой степени позволяет компенсировать ограничения устных воспоминаний, а также верифицировать данные, полученные в ходе интервью. Документы, образующие семейный архив, могут быть неформальными личными (мемуары, дневники, фотографии, семейное видео и т. д.) и официальными личными (трудовые книжки, грамоты, дипломы и т. д.). В зависимости от целей и задач исследования в фокусе интересов социолога могут также оказаться официальные документы, беллетристика, визуальные материалы (газетные публикации, книги, фильмы, плакаты, картины и т. д.), связанные с публичной репрезентацией семейных историй²⁴.

Работа с документами и интервьюирование требуют неоднократных встреч исследователя с членами семьи, в том числе для

²⁴ Изучение проблем, связанных с политикой публичных репрезентаций генеалогии, имеет смысл для более глубокого понимания тех институциональных условий, официального дискурсивного поля, идеологического контекста, в которые погружена семья. О публичных репрезентациях генеалогий и семейных историй в советский и постсоветский период см., например: Лукеренко 2004; Непомнящая 2004; Орлова 2004; Прохоров 2004; Савкина 2004; Ткач 2003.

коррекции и уточнений собранного материала. Серьезным методологическим затруднением при использовании рассматриваемой исследовательской стратегии является вопрос о том, какой объем информации об истории семьи следует считать достаточным. На наш взгляд, эта проблема стоит в ряду тех вопросов, по поводу которых постоянно ведут дискуссии социологи-качественники: что следует считать биографией, исследовательским случаем, единицей наблюдения и т. д. Разрешение этих вопросов зависит от целей и задач исследования. Историю семьи можно считать насыщенной, если из рассказов информантов и документальных источников синтезируется логика семейной траектории. Погружение в многовековую генеалогию и скрупулезная детализация биографий боковых родственников в рамках социологического исследования, как правило, излишни.

Шаг второй: объединение всех собранных историй жизни в общий нарратив и написание семейной истории. С учетом того, что случай одной семьи может быть представлен в виде десятка интервью, материал, полученный в результате полевой работы, оказывается достаточно объемным. В целом исследователь располагает двухуровневой генеалогической информацией: 1) биографическими данными о каждом персонаже, образующими фактологическую канву семейной истории (время и место рождения членов семьи, образовательные и карьерные линии в их жизни, смена местожительства, заключение браков и рождение детей, другие важные для рассказчиков события); 2) интерпретациями и рефлексией по поводу того, каким образом и почему оформлялись эти жизненные траектории.

Обработка материала начинается с систематизации фактической информации. Для этого исследователь реконструирует историю семьи из собранных рассказов. В ее первой, подробной, версии идентифицируется каждый персонаж семейных рассказов, прослеживаются родственные связи; возрасты, даты и места происшедших событий соотносятся с историческим контекстом. Реконструкция семейного (генеалогического) древа в виде схем семейных связей с указанием хронологической линейки и социальных статусов членов семьи помогает наглядно представить материал. Вот как выглядело генеалогическое древо семьи Тэрнуар, историю которой изучали Д. и И. Берто (см.: Bertaux, Bertaux-Wiame 1997: 68).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОДОСЛОВНАЯ ЧЕТЫРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

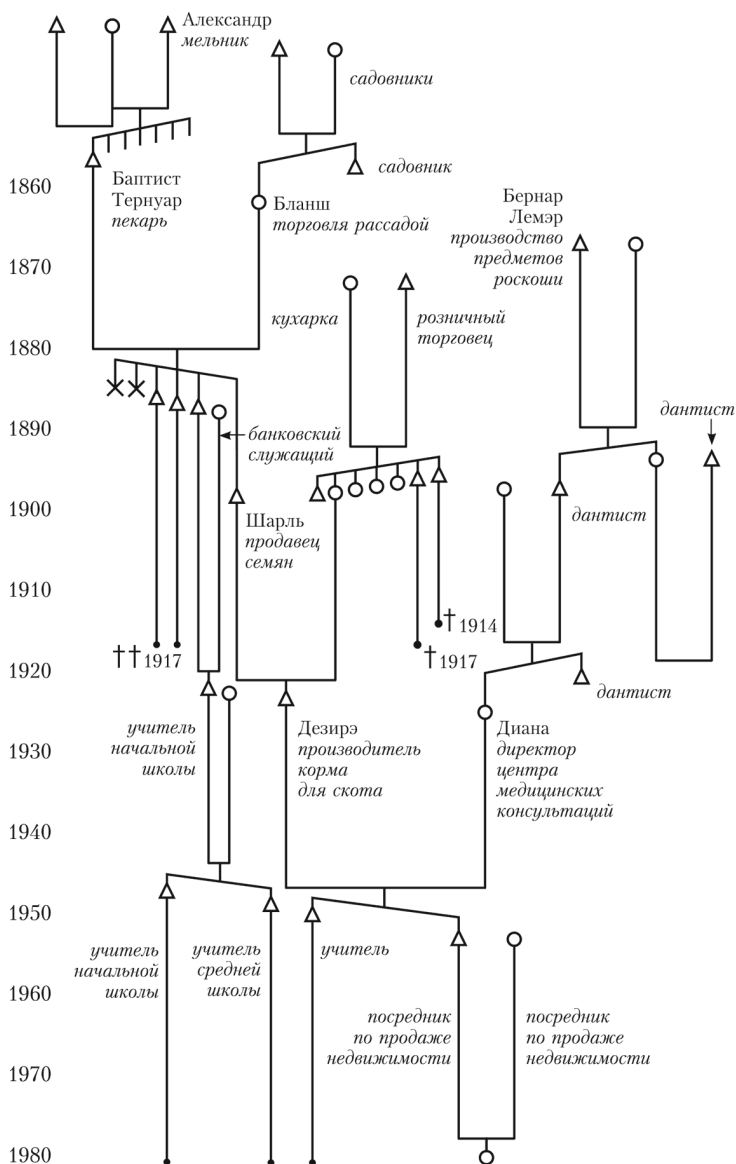

Рис. 1. Социальная генеалогия рода Тернуар

Информацию об основных персонажах семейной истории удобно оформить в виде таблицы.

Приведем пример:

Семья Ивановых, Николай, 1940 г. р., пенсионер:

<i>Год</i>	<i>Возраст</i>	<i>Событие</i>	<i>Комментарии, интерпретации событий</i>
1959	19	Отчисление из университета за неуспеваемость	Оценивает как освобождение, как возможность устроиться на работу и зарабатывать деньги
1976	36	Повышение по службе, был переведен на должность начальника отдела	Переживает как начало распада семьи: реже бывает дома, теряет контакт с женой (Татьяна, 1936 г. р.) и детьми (Сергей, 1960 г. р.; Ольга, 1962 г. р.).

Вторая версия истории семьи представляет собой сокращенный, сжатый вариант первой версии и содержит ключевой материал, необходимый для дальнейшего анализа, для восстановления микрологики семейного развития.

Шаг третий: анализ случая (семьи). На данном этапе реконструируется социальная траектория одной семьи. Предполагается, что исследования одного случая может быть достаточно лишь для описания общих тенденций образования той или иной семейной траектории, для выявления ресурсов, важных для воспроизводства или изменения социального статуса семьи или ее представителей. Обобщение на материале одного конкретного случая может претендовать на создание гипотез и с определенной степенью приближения позволяет делать общие выводы относительно социальных процессов, происходящих в определенной социальной среде. (А)типичность случая для данной социальной среды определяется в соотношении с траекториями других семей, представленных в выборке.

Шаг четвертый: сравнение случаев, построение типизаций. Сравнительный анализ нескольких исследованных случаев позволяет делать некоторые обобщения относительно социальных явлений и сред. Важно задать четкие основания для сравнения: например, занятость нескольких семей в одной

корпорации либо принадлежность предков в третьем поколении к одному и тому же социальному слою. Подобные точки отсчета позволяют ретроспективно проследить траектории семей в рамках того или иного локального и исторического контекста.

Этапы анализа и презентации данных

Концептуализация данных, полученных с помощью качественных методов, требует от исследователя не только знания техники анализа, но и социологического воображения, видения социологического смысла собранного материала. Метод изучения социальных генеалогий не является исключением. Как правило, исследователи семейных историй не располагают готовыми аналитическими схемами, которые следует применять на этапе сравнений и построения типизаций. Томпсон предложил один из возможных вариантов концептуализации процессов передачи семейной традиции от одного поколения к другому. Он применяет два подхода к проблеме.

- В рамках первого подхода, возникшего под влиянием работ Бурдьё, предполагается выяснить, какие аспекты материального и культурного капитала семьи могут передаваться через поколения и каким образом это происходит. Особое внимание, по мнению исследователя, стоит уделить межпоколенной передаче социальных связей и контактов, а также семейных преданий и мифов. Томпсон предполагает, что «сакральная» сфера семейных легенд описывает пространство культурных «инстинктов», неосознаваемых механизмов воспроизводства опыта предков в биографии потомков. Он фокусируется на вопросах о том, какие темы мифологизируются в семейном нарративе, каким образом эти мифы воспринимаются (воспроизводятся или корректируются) каждым последующим поколением и т. д.

- Согласно второму подходу, который основывается на интеракционизме и теории социальных ролей, семья исследуется как система переплетающихся в нескольких поколениях социальных и эмоциональных отношений. Эмоциональные оценки брачных, родительско-детских отношений, историй болезни и алкоголизма, успехов и разочарований и других событий семейной истории представляют собой материал для

изучения тех возможностей и ограничений, которыми обладают семейные ресурсы, и тех жизненных шансов, которые они предоставляют членам семьи.

Генеалогии исследуются также в гендерной перспективе: межпоколенческие трансмиссии по мужским и женским линиям, а также между мужчинами и женщинами осуществляются по различным принципам (см., например: Thompson 1997: 32—61). Они имеют разную динамику, основываются на отличных по силе и насыщенности семейных связях, могут быть явными и скрытыми и зависят от семейных гендерных статусов. Вследствие этого направленность социальной мобильности и ее смыслы для мужчин и женщин — представителей одного рода — образуют самостоятельные сферы для интерпретаций.

Предлагаемые подходы к анализу семейных историй основываются преимущественно на идеях «внутрисемейного детерминизма» (преимущественности занятий, брачных моделей, стилей поведения и т. д.), которые распространяются в том числе и на возможности, не реализованные членами семьи. Структуралистский акцент, основанный на предсказуемости и заданности индивидуальных и семейных траекторий и их экстраполяции на последующие поколения, значительно ограничивает познавательные возможности стратегии изучения истории семьи. Вместе с тем траектории могут представлять собой кривые, ломаные и разорванные линии, а в социальных генеалогиях можно обнаружить факторы, влияющие на жизненные выборы и шансы членов семьи, которые нельзя объяснить с точки зрения теории рационального действия и практической логики. Метод изучения социальных генеалогий актуализирует роль памяти в конструировании социальной реальности. В перспективе индивидуальной и семейной памяти некоторые феномены могут получать самые неожиданные интерпретации и оценки.

Многообразие тем, ракурсов и связей, возникших в результате изучения генеалогий, требуют от социолога поиска интересной, оптимальной формы подачи материала, не перегружающей текст²⁵. Как показывает профессиональная практика,

²⁵ Полевой и аналитический материал исследователя семейных историй может составить сотни страниц реконструированных биографий и генеалогий, а также сформулированных в результате концепций социальных траекторий.

возможны несколько вариантов построения публикации, основанной на семейных историях. Иногда основные результаты и темы исследования излагаются на примере одного, наиболее яркого, семейного случая (см., например: Берто, Берто-Вьям 1992). Возможна также иная организация текста, когда несколько случаев семейных траекторий рассматриваются параллельно (см.: Marcus, Hall 1992). Их расположение на одной хронологической линии позволяет увидеть взаимосвязь внутрисемейных процессов и исторического контекста, а также фокусирует внимание на контрастных семейных случаях, на вариативности траекторий. В случаях когда в генеалогиях четко прослеживаются линии наследования и формирующие их семейные ресурсы и механизмы, возможна тематизация семейных историй, которая наглядно демонстрирует специфику случая. Творческий подход к упорядочиванию данных позволяет исследователям изобретать и другие формы их презентации.

Обзор исследовательских направлений, фокусирующихся на изучении семейных историй

Описанные выше этапы и процедуры исследования семейной истории представляют собой общую схему, разработанную преимущественно в процессе апробации нового, качественного, подхода к изучению социальной мобильности и воспроизводства. Вместе с тем рассматриваемая стратегия задает исследовательскую рамку для анализа самых разнообразных социальных процессов и сред. В данном разделе мы рассматриваем несколько связанных между собой направлений и тем, для разработки которых релевантно применение метода изучения семейной истории или его отдельных принципов и элементов. Некоторые из направлений иллюстрируются примерами современных социологических исследований.

Изучение маргинальных и исключенных групп, мигрантов, «андеркласса». Исследование социальной мобильности и воспроизводства указанных групп возможно лишь с применением качественной методологии. Ввиду труднодоступности данного поля даже единственный случай представляет собой незаменимый материал, демонстрирующий ломаные, разорванные и

нисходящие социальные траектории, а также стратегии семейного воспроизводства в условиях недостатка ресурсов. Последний тезис иллюстрирует исследование, проведенное Берто, в котором реконструировалась социальная траектория семьи, проживавшей в Квебеке; на протяжении нескольких поколений средством существования этой семьи было социальное пособие (Томпсон 2003а).

Гендерная проблематика в семейных историях, социология семьи. В настоящее время метод изучения истории семьи становится востребованным в российских женских исследованиях (women's studies). В семейных историях, рассказанных женщинами и о женщинах, исследователей интересуют такие темы, как отношения между матерями и дочерьми; женская дружба и любовь; совместная работа женщин; образование женских социальных сетей; забота о детях; сексуальность; техники ведения домашнего хозяйства; роль женщин в формировании жизненных траекторий мужчин и детей и т. д. Реконструкция матрилинейных генеалогий предоставляет материал для изучения трансформаций в сфере сексуальных практик и норм сексуальности, практик материнства, жизненных шансов женщин разных поколений.

Генеалогический метод расширяет сферу исследований социологии семьи. Томпсон пишет: «Роль мужа и жены, воспитание девочек и мальчиков, эмоциональные и материальные конфликты, зависимость, проблема отцов и детей, ухаживание, сексуальное поведение в браке и вне его, предохранение от беременности и аборт — все эти проблемы (до недавнего времени. — *Авт.*) были тайной за семью печатями» (Томпсон 2003а: 20). Рассматриваемый метод обнаруживает эти аспекты семейной жизни на микроуровне повседневных взаимодействий в исторической перспективе. Возможности метода позволяют гибко подходить к определению родства, включая в исследования разные типы семей (нуклеарные, неполные, гомосексуальные и т. д.), и проследивать трансформации семейных ролей, гендерных и родительско-детских отношений в них.

Исследование процессов социальной трансформации. Данное направление современных социальных исследований приобрело большую популярность в связи с оживлением биографической работы в постсоциалистических обществах, а также в свя-

зи с реабилитацией генеалогических исследований и семейной памяти.

В начале 1990-х годов группа московских социологов совместно с Д. Берто провела исследование «Век социальной мобильности в России», в рамках которого было собрано и проанализировано около 100 социальных генеалогий москвичей (см.: Семенова, Фотева 1995). Основной задачей проекта было изучение советской социальной истории, а также механизмов адаптации людей к постсоветским социальным изменениям в обществе и формирования современной российской идентичности. Реконструируя истории крестьянских, номенклатурных семей, семей интеллигентов, а также судьбы бывших дворянских и купеческих семей, исследователи пытались выяснить, какими «правилами игры» определялась жизнь советского человека, какие стратегии вели к жизненному успеху и восхождению по социальной лестнице, а какие, напротив, — к нисходящей мобильности. Исследуя социальные возможности семей в современных условиях, исследователи приходят к выводу о постепенном «растворении» советской культурной модели, которая формировалась в советском дискурсе.

Метод изучения истории семьи является незаменимым при исследовании социальной истории сообществ, классов, сословий. Например, ретроспективный анализ семейных историй потомков российских дворян позволил изучить индивидуальные и коллективные стратегии ассимиляции и «растворения» представителей сословия в послереволюционном классовом обществе (см.: Чуйкина 2006).

Исследование семейных социальных сетей. В рамках данного направления могут изучаться всевозможные типы практических связей и отношений в многопоколенной семье. Интерес представляют экономические и эмоциональные функции родственных сетей и формальные институты, которые они компенсируют; роль родственных отношений в повседневности и ритуалы, связанные с поддержкой этих отношений. Проект, посвященный изучению роли бабушек в российских семьях, может служить примером подобного исследования (см.: Семенова 1996).

В *исследованиях семейной памяти* социологи и устные историки фокусируются на передаче из поколения в поколение моральных принципов и ценностей, культурных ресурсов, спо-

собах конструирования семейной истории (создание семейного архива, передача семейных преданий, рождение тайн и т. д.). Этот генеалогический материал позволяет исследовать механизмы формирования семейной, родовой, этнической, классовой идентичности (см.: Бредникова 1997; Разумова 2004; Semenova 2000).

Исследования различных многопоколенных семейных проектов: династий, семейного бизнеса и наследования (см., например: Lima de 2000; Marcus, Hall 1992; Seymour 2001), включая проблемы неформальной и теневой экономики. Предметом исследования в данном направлении могут быть механизмы передачи традиционной семейной профессии из поколения в поколение; принципы функционирования семейных проектов; причины их успешности/неуспешности; соотношение домашнего и рабочего пространств в жизни членов семей и т. д.

Примером исследования в рамках данного направления является изучение рабочих династий в советском и постсоветском контексте. Под рабочей династией понимается несколько поколений родственников, работающих на одном промышленном предприятии. Мы прослеживаем социальную траекторию советской рабочей династии из перспективы институциональных условий и внутрисемейных процессов. Советский этап семейной траектории интересен тем, что он представляет, каким образом потомственные рабочие вписывались в предложенный «сверху» сценарий «образцовой» семьи и официально ожидаемых моделей поведения, а также вырабатывали стратегии, обеспечивающие доступ к ресурсам советского заводского предприятия. На современном этапе траектории интерес представляют истории, содержащие примеры семейного воспроизводства в условиях экономической трансформации, а также случаи разрыва династической линии. Воспроизводство рабочей династии в новых условиях позволяет изучить причины сохранения семейных традиций в отсутствие структурной и экономической поддержки, возможности и ограничения семейной преемственности.

В заключение нельзя не отметить, что, как и любая другая стратегия качественного исследования, метод изучения семейной истории имеет свои ограничения. В связи с применением данного подхода возникает принципиальный методологический

вопрос: насколько генеалогический метод релевантен изучению современных социальных реалий? Исходная предпосылка о важности и даже уникальности многопоколенной семьи как канала социализации и социальной мобильности индивида оспаривается многими западными исследователями, разрабатывающими концепцию «общества индивидов» (Бауман 2002; Бек 2000, 2001, и др.). Они считают, что в современном атомизированном обществе семья не просто утрачивает свое значение как канал передачи социальных ресурсов; она начинает исключаться из системы социальных координат как на институциональном, так и на повседневном уровне.

«Сегодня ожидаемая продолжительность жизни семьи не превышает срока жизни ее членов, — пишет Зигмунд Бауман, — и мало кто может уверенно утверждать, что семья, которую они только что создали, переживет их самих. Вместо того чтобы служить прочным звеном в непрерывной цепи кровного родства, браки становятся тем местом, где цепь рвется, а идентичность семейных родов затуманивается, ослабляется и растворяется» (Бауман 2002: 309). Между тем с точки зрения разработчиков метода такая формулировка сомнительна. По их мнению, она отражает предубеждение эпохи общества всеобщего благоденствия, в котором, как кажется, происходит эволюция от внутрисемейной «наследуемости» составляющих социального статуса к меритократической системе открытого рынка труда. На наш взгляд, дискуссии о границах применения метода возможны строго в рамках проведения конкретного эмпирического исследования, сфокусированного на тех или иных социальных средах. Лишь его применение на практике продемонстрирует (не)значимость межпоколенческих и родственных отношений и процессов в жизни современного человека.